

Годжо Сатору такое пренебрежение задело за живое. Надо же — два обладателя Шести глаз, а этот паразит Кэндзяку считает его менее опасным, чем Годжо Хара!

— А то неясно, — хмыкнул Тодзи с издевкой. — Силой-то вы, может, и равны, а вот умишком ты явно не вышел. Разница колоссальная.

И дело вовсе не в том, будто Сатору глупее брата. Вовсе нет, глупец просто не сумел бы развить технику Безграничности до такой сокрушительной мощи. Интеллектом младший обделен не был, а вот до интриг, политики и тем более грязных манипуляций чужими жизнями у него душа никогда не лежала. Тут он был круглым профаном.

Взять хотя бы их отношение к старейшинам из Главного совета магов — этой коdle гнилых мандаринов. Сатору, если они ему досаждали, лишь сыпал угрозами, а в крайнем случае мог разнести к чертям их резиденцию, затыкая им рты чистой демонстрацией силы. Хара же действовал тоньше: он исподволь раскалывал их ряды, стравливал фракции, подминал совет под себя, шаг за шагом забирая власть над всем миром магов. В этом и крылось их главное различие.

Для Кэндзяку коварный интриган Хара представлял куда большую угрозу. Оставлять такого противника в живых и ждать, пока тот наберет полную силу, было чистым самоубийством. Так что решение устранить его при первой возможности выглядело вполне логичным.

Заметив, как Сатору пыхтит от обиды из-за «пренебрежения» Кэндзяку, Хара поспешил его успокоить:

— Да брось ты, у этого паразита от всей анатомии только одна извилина и осталась, не бери в голову. Ты у меня самый лучший. Но давай договоримся: больше никаких мечтаний о покушениях, ладно?

Хара искренне предпочитал, чтобы Кэндзяку списывал Сатору со счетов. Пусть лучше считает неопасным, лишь бы не трогал. Ведь тогда, в тринадцать лет, Сатору только-только освоил обратную проклятую технику, а Безграничность еще не была отточена до совершенства. Да, в смертельной опасности он мог бы совершить качественный скачок и открыть расширение территории, но рисковать жизнью брата ради этого? Хара не согласился бы на такое ни за какие блага мира. Уж лучше пусть удар нанесут по нему самому.

Однако сильнее самого Сатору уязвленным себя почувствовал Годжо-сенсей из второго зала:

— Это еще что за новости?! В смысле?! Почему на меня в детстве этот кусок серого вещества не покушался? Он что, вообще во мне угрозы не видел?!

Мы в равной степени Шестиглазые! С какого перепугу Кэндзяку решил задушить Хару в зародыше, а меня даже пальцем не тронул? Я что, недостойн звания экзистенциальной угрозы?!

□Годжо Хара□ из третьего зала лишь молча покачал головой. На него Кэндзяку тоже никогда не нападал. Неужели злодей в разных мирах настолько по-разному оценивал свои шансы?

На экране развернулись новые кадры. Кэндзяку, запустивший свои щупальца глубоко в Главный совет магов, без труда раздобыл список миссий Хары и выбрал для засады глухое, заброшенное место. Чтобы гарантировать успех, он пошел на крайние меры — пробудил и вернул к жизни через воплощение сильнейшего мага четырехвековой давности, Касимо Хадземе.

Касимо был одержим битвами. Условием его пакта с Кэндзяку было пробуждение в эпоху, когда появится шанс сразиться с Рёмэном Сукуной. И хотя Король Проклятий еще не переродился, перспектива схватки с обладателем Шести глаз вполне устроила древнего воина, разжегши в нем неистовый азарт. Так он согласился помочь устранить Хару.

Зрители в залах брезгливо поморщились, наблюдая за процессом воплощения древнего мага. И шаманы, и обычные люди содрогнулись от отвращения — ведь это было бесцеремонное похищение чужого тела. Разве что в четвертом зале, где сидели герои из вселенной детектива Конана, босс Черной организации Ренья Карасума едва не затрепетал от восторга при виде такого способа обрести бессмертие. Но его триумф длился недолго: стоило ему узнать, что превратить в проклятый объект после смерти можно лишь мага, а обычному человеку такой трюк недоступен, как его алчная улыбка мгновенно сползла с лица.

Хара скользнул взглядом по лицу Касимо Хадземе на экране и небрежно выудил из складок одежды свиток с барьером-картиной:

— Совсем про него забыл. Запечатал тогда и забросил.

Сатору любопытствовал, заглядывая в свиток, где слабо шевелился нарисованный силуэт Касимо:

— А он силен, — кивнул младший. — Неплохо послужил мне грушей для битья в свое время. Помнится, он хвастался, будто у него припасена козырная техника, которую можно использовать лишь раз в жизни и исключительно против Сукуны.

— Ну, Сукуна-то давно мертв... — Хара уже собирался убрать свиток, но вдруг замер. — Погоди-ка. — Он извлек еще один барьерный свиток, в котором томилась крупница души Сукуны из отсеченного пальца. — У меня ведь тут как раз заваялся осколок его душонки. Может, стравить их ради забавы?

Сатору идея прилась по душе, он даже оживился:

— Отличная мысль! Касимо по уровню тянет где-то на шесть-семь пальцев. Огрызку души Сукуны, в котором всего одна двадцатая от прежней силы, против него точно ничего не светит.

Тем более что вся проклятая энергия этого осколка осталась в теле Юдзи Итадори. Лишенный сил Король Проклятий превратится в легкую мишень, и Касимо просто сотрет его в порошок. Сатору с предвкушением потер ладони.

Хара прижал свитки друг к другу. Братья уставились на бумагу, где детализированный рисунок Касимо столкнулся с убогим наброском, олицетворяющим остатки Сукуны. Зрелище напоминало хаотичное шевеление карандашных эскизов. Очень скоро этот примитивный бой им наскучил. Сатору разочарованно откинулся на спинку кресла:

— Скукота. Слишком неравные силы.

Хара согласно кивнул и спрятал свитки обратно.

— Эй, покажите! Мне тоже интересно! — закричал из соседней зоны Годжо-сенсей, вытягивая шею. Его так и подмывало разузнать, что это за чудо-картины, способные упрятать в себя Тэнгэна, легендарного Касимо Хадзиме и даже кусок души Сукуны.

Хара понимал: стоит ему отвлечься на этого наглого гостя, как Сатору рядом тут же превратится в шипящего ревнивого кота и перевернет весь зал. Поэтому он лишь сухо бросил:

— Смотрите на экран.

На полотне как раз разворачивалась грандиозная битва Хары против Кэндзяку и примкнувшего к нему Касимо.

Касимо Хадзиме действительно оправдывал свою славу грозного бойца. Внутри территории Кэндзяку Хара оказался под давлением, к тому же ему приходилось постоянно следить за действиями самого интригана. Схватка затянулась, со стороны напоминая отчаянное противостояние равных соперников. Кэндзяку, уверенный в своей победе, пустился в пространные рассуждения о том, почему в эту эпоху родилось сразу двое Шестиглазых. Он говорил долго, пока не произнес фразу, ставшую для него фатальной:

— Изначально шансы убить Сатору Годжо были куда выше, но из двоих Шестиглазых в живых должен остаться только один...

Услышав это, Сатору взвился на месте, мгновенно позабыв о недавней обиде:

— Что значит «шансы убить Сатору выше»?! Я к тому времени уже вовсе владел обратной проклятой техникой и был сильнейшим! Слышишь, урод, сильнейшим!

— Сатору, но ведь тогда ты все еще уступал Харе, — мягко вставил Гэто Сугуру.

— И что с того? — буркнул тот. — Уступал — не значит, что проиграл бы какому-то мозгу на ножках! Вы вообще понимаете, каково это — быть непревзойденным?!

Пусть Сатору и не мог одолеть брата в поединках (хотя он и умудрялся, вопреки всякому порядку, заставляя Хару называть себя старшим братом), уступал он Харе лишь в короткие промежутки времени: когда тот уже освоил обратную проклятую технику и расширение территории, а сам Сатору еще отставал. В остальное же время их силы были абсолютно равны. Любая их серьезная тренировка могла длиться сутками без какого-либо намека на чью-то победу, поэтому обычно они просто сходились на ничьей или соревновались в чистом рукопашном бою.

На сей раз Годжо-сенсей из второго зала промолчал. Он невольно вспомнил себя в тринадцатилетнем возрасте. Тогда он еще знать не знал об обратной проклятой технике — до судьбоносного столкновения с Тодзи, едва не отправившим его на тот свет в шестнадцать лет, оставалось еще долго. В те годы постоянное поддержание Безграничности перегревало ему мозг, а из атакующих приемов он владел лишь Прямым вращением проклятой техники: Синим. Обратное вращение проклятой техники: Красный оставался для него недостижимой вершиной.

Он привык самонадеянно называть себя сильнейшим, но объективно уступал своему параллельному двойнику. Случись тогда засада опытного Кэндзяку с его расширением территории, Сатору действительно мог бы погибнуть.

Получается, Кэндзяку не трогал его лишь потому, что «Шестиглазый должен остаться один»? А поскольку в его собственном мире Хары не существовало, злодей просто выжидал.

Неосторожная фраза Кэндзяку оборвала всякое терпение Хары, который до этого надеялся выудить из врага побольше тайн.

— Покусился на жизнь моего брата... — прошептал Хара, и в его голосе прозвучал смертный приговор. — Тебе не жить.

В мгновение ока он использовал Расширение территории, которая безжалостно смяла и

поглотила территорию Кэндзяку. Лишенный защиты злодей был мгновенно стёрт с лица земли, а Касимо Хадзиме оказался запечатан в свиток.

Зрители лишь дружно вздохнули. Никто не удивился. Ну конечно, стоит задеть драгоценного младшего братика, как Хара превращается в неостановимое стихийное бедствие. Истинный, непоколебимый братский комплекс в действии.

Сатору сиял от восторга. Оказывается, брат не только обратную проклятую технику освоил ради него, но и Расширение территории открыл по той же причине! Какая же у него безграничная любовь!

Сугуру молча отодвинулся подальше, чувствуя, что от самодовольной физиономии Сатору его начинает подташнивать.

Годжо-сенсей озадаченно почесал щеку:

— И ради этого он использовал Расширение территории? Сила братской любви настолько жуткая штука? Черт, у моего двойника есть старший брат, который ради него горы свернет. Кажется, тут я всухую проиграл...

На экране вновь сменилась перспектива — зрителей захлестнул поток ощущений Хары.

Хара застыл в воздухе. Перед его взором расстился плоский, безжизненный двухмерный мир. Все вокруг потеряло объем, став плоскими рисунками на гигантском листе бумаги. Лишь бесконечные, хаотично переплетающиеся линии пронизывали это безмолвное пространство, вызывая приступ глухой тревоги.

Он попытался переместиться в густонаселенный город, но и там его встретили лишь бездушные картонные фигурки. Мир превратился в развороты дешевой манги, где каждый прохожий был не более чем наброском тушью. Острый укол фальши и невыносимого одиночества вонзился в его сознание.

Благодаря первому лицу это гнетущее чувство иллюзорности бытия передалось каждому, кто сидел в залах.

Хара переместился в Клан Годжо. Скользя мимо плоских фигур старейшин и слуг, он бросился на поиски брата. Но и Сатору предстал перед ним плоским эскизом, опутанным бесчисленными нитями.

— Брат, ты вернулся! — раздался его знакомый голос, лишенный в глазах Хара прежней теплоты.

В груди Хара зашевелился леденящий ужас.

«Неужели и он... тоже фальшивка? Неужели все, чем я жил, весь этот мир и даже мой брат — лишь иллюзия? Что в этой вселенной вообще реально?»

Картинка на экране вернулась к привычному третьему лицу.

Хара смотрел на подбежавшего Сатору без привычной нежности. Его лицо застыло маской абсолютного безразличия, царственного и холодного, лишенного всяких человеческих чувств. В глазах цвета бескрайнего неба залег вековой лед. Он казался божеством, случайно спустившимся в мир смертных.

Взоры зрителей невольно устремились к третьему залу, где сидел [Годжо Хара]. Сходство было поразительным — сейчас на экране они видели именно его, того самого холодного деспота из параллельной реальности.

[Хара] сидел неподвижно, не проронив ни звука. Глядя на собственное отражение на экране, он слегка повернул голову в сторону Хара из первого зала.

«И все-таки мы едины. Даже имея брата-близнеца, ты неизбежно придешь к тому же финалу, что и я».

Чужие взгляды его не волновали — его интересовал только этот двойник.

Впрочем, сам Хара сейчас был слишком занят тем, что успокаивал притворно рыдающего Сатору:

— Ну же, глупый, это длилось всего мгновение. Ты ведь сам меня оттуда вытащил. Все хорошо,

не переживай так.

□Хара□ скривился в душе.

«Какое убожество. Иметь общего двойника с этим безумным фанатиком — просто позор».

На экране тринадцатилетний Сатору, почуяв неладное, крепко обнял брата, отчаянно взывая к нему. Этот испуганный крик пробился сквозь пелену божественного равнодушия. Любовь к брату совершила чудо: плоский эскиз в объятиях Хары вдруг начал наливаться красками и объемом, возвращаясь в трехмерную реальность, пока весь остальной мир оставался безжизненным полотном.

— Раз ты видишь реальным только меня, — твердо произнес Сатору, сжимая руку брата, — значит, мы никогда не расстанемся. Пока мы вместе, этот мир тоже будет настоящим!

И гнетущая пустота отступила. Если в мире есть Сатору, то и сам мир обретает смысл.

— С тобой мир всегда будет настоящим, — с улыбкой ответил Хара.

И плоская вселенная вокруг начала стремительно обретать глубину и объем.

Сатору изо всех сил сдерживал подступающие слезы. Ему хотелось разрыдаться от избытка чувств, но он гордо задрал нос, боясь повернуться к брату и показать свою слабость.

Хара сам перехватил его ладонь, мягко сжав пальцы:

— Ты — мой якорь, Сатору. Только благодаря тебе этот мир для меня живой.

В третьем зале □Хара□ хмурился все сильнее. Он ждал, что его двойник сломается, погрузится в ту же бездну апатии и неприятия фальшивой реальности, через которую прошел он сам. Но этот безумец разрушил все законы логики одной лишь слепой привязанностью к брату.

Видеть, как плоский мир у того на глазах снова обретает краски, было невыносимо. □Хара□ почувствовал, как внутри закипает глухая ярость:

— И долго ты будешь тешать себя иллюзиями? — ледяным тоном бросил он через залы. — Какая разница, как ты смотришь на эти декорации? Мир все еще фальшив. И твой драгоценный

брат — точно такая же пустышка, нарисованная на бумаге!

Хара резко обернулся. Спокойствие мгновенно слетело с его лица. Он мог простить любые оскорбления в собственный адрес, но стоило кому-то заикнуться о Сатору — и в его душе поднималась беспощадная буря.

Два абсолютно идентичных человека скрестили взгляды. В этот миг разгневанный Хара выглядел точно так же, как его холодный двойник из третьего зала — две ледяные бездны. Шести глаз столкнулись в безмолвном противостоянии.

— Похоже, — ядовито процедил Хара, — ты сам застрял в этом плоском мире и у тебя просто не хватило сил это исправить? Решил выместить свою зависть на нас?

□Хара□ едва заметно вздрогнул. На чужие нападки ему было плевать, но слова собственного отражения били без промаха прямо по старым ранам.

— Жалкое зрелище, — безжалостно продолжил Хара. — Сам оказался бессилен и теперь брызжешь ядом, пытаешься рассорить нас с Сатору? Спешу тебя разочаровать: пока мой брат со мной, мне плевать на реальность этого мира. Пусть он будет хоть трижды фальшив, наша связь — настоящая. А большего мне и не нужно.

Призрачные обитатели третьего зала потрясенно переглядывались. Их непобедимый, устрашающий тиран □Годжо Хара□ только что всухую проиграл словесную дуэль какому-то безумному любителю младших братьев. Это зрелище казалось им самым невероятным за все время их существования.

<http://bllate.org/book/19549/2004418>